

УДК 378.4(091)»19/20»

МОДЕЛИ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В УНИВЕРСИТЕТАХ РОССИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Т.С. Ковыльникова, О.Н. Хохлова

Статья посвящена моделям межличностных отношений между участниками образовательного процесса, существовавших в российских университетах конца XIX – начала XX вв.

Ключевые слова: история педагогики, история российских университетов, межличностные отношения в образовании, славяноведение.

Российские университеты до 1917 г. развивались в тесном контакте с европейской образовательной традицией. Октябрьская революция вырвала Россию из международного контекста, и система высшего профессионального образования долгое время развивалась изолированно. Вхождение в Болонский процесс, начавшееся в конце XX в., предполагает включение России в единое европейское образовательное пространство. Перед нашей страной стоит задача, поняв идею и смысл европейского подхода к образованию, но, не теряя национальной самобытности, органично влиться в него. Именно поэтому обращение к традициям, сложившимся в научной, педагогической и культурной среде России к концу XIX – началу XX вв. является сегодня актуальным как с теоретической, так и с практической точки зрения.

Личные связи, складывающиеся внутри университетских сообществ, являются важным фактором формирования интеллектуальной элиты общества, влияют на дальнейшее развитие научной мысли.

Фактический материал, отражающий взаимоотношения в университетской среде, неоднократно использовался отечественными исследователями, в том числе и славистами. Одни из них (например, Б.М. Ягудин, Г.П. Мягков, Е.А. Ростовцев) рассматривали данные источников для выяснения механизма формирования научной школы [21; 31; 39], другие оперировали данными для характеристики личности ученого (например, О.В. Саприкина, Е.В. Данченко, Ю.С. Афанасьева, А.В. Почивалова, В.П. Корзун) [2; 16; 19; 29; 32], третьи (например, А.В. Свешников, О.Н. Хохлова) анализировали конфликты в вузовской среде [34; 36]. В советское время и в постсоветский период был подготовлен ряд монографических изданий, посвященных истории

российских университетов [1; 3; 30; 38; др.]. В них освещались вопросы зарождения и развития системы университетского образования, реформирования ВПО в России. Однако до сих пор межличностные отношения в вузах дореволюционной России не становились предметом самостоятельного исследования.

Под межличностными отношениями понимаются субъективно переживаемые взаимосвязи между людьми, объективно проявляющиеся в характере и способах взаимных влияний, оказываемых людьми друг на друга в процессе совместной деятельности и общения. Это система установок, ориентаций, ожиданий, стереотипов, через которые люди воспринимают, оценивают друг друга. На развитие межличностных отношений влияют многие факторы: пол, возраст, национальность, среда, личный опыт.

Подобные отношения находят отражение в источниках личного происхождения [5; 17; 18], а так же в официальных документах, связанных с профессиональной деятельностью отечественных ученых и педагогов [6–15; 24–28]. Богатый материал по биографиям славистов, истории учебных заведений содержат воспоминания, личная переписка, рекомендательные письма, речи и выступления Константина Яковлевича Грота (1853–1934). В них нашли отражение межличностные отношения в столичном (Петербургском) университете, провинциальном вузе (Нежинском педагогическом институте), а также Варшавском университете, который занимал особое место в системе образовательных учреждений дореволюционной России.

Петербургский университет во второй половине XIX в. стал важным центром развития славяноведения в России. Не смотря на то, что для значительной части петербургского общества было характерно индифферентное отношение к славянству, именно здесь развивается славянофильская концепция, создается научная школа, главой которой являлся В.И. Ламанский.

К.Я. Грот, будучи одним из его учеников, отмечал способность В.И. Ламанского вдохновлять студентов на самостоятельный научный поиск, не подавляя их своим авторитетом и демонстрацией превосходства. Научное руководство В.И. Ламанского никогда не сводилось к навязыванию программы, тематики исследования, методов работы с источниками и научной литературой. Описывая собственный опыт, К.Я. Грот рассказывал, как В.И. Ламанский давал советы мимолётным замечанием, намёком, упоминанием имени автора, отрывочным суждением. Желание соответствовать уровню учителя не позволяло собеседникам-ученикам переспрашивать и признаваться в своём неведении. Грот писал: «Каждая услышанная фраза, суждение или имя запоминались твёрдо, и всё это раскрывалось и становилось понятным после того, как дома углублялся в дело, рылся в книгах и

источниках и, в конце концов, вполне уяснял себе новое ценное указание» [6, с. 224].

Студенты Санкт-Петербургского университета имели возможность проверить свои силы в самостоятельной научно-исследовательской работе. С этой целью совет университета ежегодно утверждал тематику конкурсных сочинений. Из протоколов заседаний совета Петербургского университета видно, что круг проблем, цели и источники для студенческих сочинений определялись научными руководителями, однако выбор конкретной темы оставался за обучающимися. Воспоминания К.Я. Грота свидетельствуют как о его «чрезвычайном рвении и увлечении» работой, о «наслаждениях робким и неуверенным, но всё же самостоятельным научно-литературным творчеством» [11], так и о педагогическом и методическом таланте руководителя, умевшего заинтересовать предметом, мотивировать и направить студентов на самостоятельный научный поиск.

Таким образом, в столичном университете России связи на уровне «научный руководитель – студент» характеризовались отсутствием давления на молодых ученых, предоставлением им широкого простора для самовыражения. Подобный стиль руководства способствовал не только приобретению профессиональных знаний, но и формированию у студентов таких компетенций, как умение искать, отбирать, классифицировать, анализировать, интерпретировать информацию, а также самостоятельно творчески применять собственные знания на практике. Учебная, научная и воспитательная работа были неразделимы.

Особое значение для студентов имело личное общение с преподавателями за пределами вуза, вне расписания занятий [5]. Так профессор В.И. Ламанский устраивал у себя дома консультации и беседы, его библиотека всегда была открыта для студентов.

По субботам В.И. Ламанский организовывал приёмы, на которых его ученики встречались с выдающимися учёными, общественными деятелями и писателями – с Ф.М. Достоевским, Н.Я. Данилевским и многими другими [11, Л. 20]. Люди такого масштаба, несомненно, производили на молодежь глубокое впечатление, увлекали своим талантом. К.Я. Грот вспоминал: «...в речах и импровизациях Достоевского ощущалось творческое вдохновение гения, и звучали мощные, поистине пророческие струны, а Данилевский побеждал неотразимой логикой и ясностью мышления, поражая в то же время тонкостью анализа и смелостью построений» [13, с. 4]. Такое общение с одной стороны поднимало общий культурный уровень студентов, с другой – развивало то, что в современном образовательном пространстве называется коммуникативными компетенциями: способность вступать в контакт, высказывать свое мнение, слушать и

понимать точку зрения собеседника, дискутировать, адекватно вести себя в различных ситуациях.

Санкт-Петербургский университет и модель межличностного взаимодействия со студентами В.И. Ламанского не являлись исключением. Документы личного происхождения свидетельствуют, что в целый ряд преподавателей Московского университета основывались на аналогичных педагогических принципах и использовали те же приемы. Еще на рубеже 40-50-х гг. XIX в. О.М. Бодянский обменивался со студентами научной литературой на сербском языке, а во время подготовки магистерских диссертаций вместе с ними всю ночь до десяти утра работал над источниками [36, с. 48]. По воспоминаниям А.А. Кочубинского, учившегося в университете в 1863 – 1867 гг., скромная квартира Н.А. Попова «воскресными утрами превращалась в университетскую живую аудиторию: дебатировались вопросы, просматривались свежие книги, особенно из-за границы, делались справки». Его богатая библиотека находилась для студентов в свободном доступе: учебники грамматики, словари, славянские журналы можно было взять домой «...и радушный владелец не стеснялся пользования, но сам руководил выбором, помогал советом, указанием» [37]. В таком же духе вспоминал своего учителя П.А. Кулаковский, учившийся в университете в те же годы: «Отзывчивый на всякую нужду, общительный, доступный Нил Александрович был любим товарищами и студентами. Он никогда не уклонялся оказывать помощь и поддержку всякого рода, особенно студенту. И если кто-либо обнаруживал склонность заниматься предметом, его интересовавшим, то Нил Попов являлся самым ревностным его помощником. Он указывал литературу по данному вопросу, охотно давал книги из своей богатой библиотеки, а то и дарил их из имевшегося у него запаса» [37].

В 60-70-е гг. XIX в. университеты являлись важными центрами не только научной, но общественно-политической жизни России, чему во многом способствовали либеральные реформы Александра II. Новые уставы российских университетов разрешали создание студенческих кружков. В первой половине 1870-х гг. один из них объединил учеников В.И. Ламанского. В кружок юных славистов кроме К.Я. Грота входили его однокурсники (Т.Д. Флоринский, И.И. Соколов, П. Виноградов), а так же студенты старшего (Р.Ф. Брандт, В.Н. Малинин, Г.А. Воскресенский) и младшего (С.Л. Пташицкий, М.И. Соколов и П.А. Сырку) курсов [6, с. 220]. Интерес российской общественности к национально-освободительному движению на Балканах в 1870-е годы, несомненно, захватил и студенческое сообщество, поэтому создание славистического кружка, скорее всего, было инициативой самих студентов. Однако роль В.И. Ламанского в приобщении молодых

исследователей к общественно-политической деятельности так же нельзя отрицать – она выразилась в привлечении их к работе Славянского благотворительного комитета. Студенты участвовали в обсуждении концепции планировавшегося печатного органа этой организации, сборе, упаковке и отправлении книг в славянские земли. На заседаниях общества они выступали с сообщениями как и по исторической проблематике, так и по вопросам современной политики [20, с. 35].

При этом решался ряд как образовательных, так и воспитательных задач. Студенты, глубоко проникаясь идеей славянского единства, понимали важность популяризации славянского вопроса в российском обществе, осознавали необходимость не только сопереживать, но и действовать. Развивались коммуникативные и организаторские навыки, умение работать в команде, ставить цели и достигать их. Участие в деятельности Комитета позволяла студентам применить имеющиеся теоретические знания на практике и понять, что обучение является не самоцелью, а необходимым средством саморазвития, самореализации и адаптации в социуме. Параллельно происходило личностное становление, формировались такие черты характера, как открытость, дружелюбие, готовность помочь нуждающимся, целеустремленность, умение видеть и ценить в людях положительные качества. Говоря современным языком, в Санкт-Петербургском университете в последней четверти XIX в. уже активно использовалась проектная технология.

Таким образом, педагогический талант В.И. Ламанского заключался не только в его выдающихся лекциях, умении мотивировать и организовывать самостоятельную работу студентов, но и в выстраивании межличностных контактов на основе доверительных, партнерских отношений и готовности к диалогу, воспитании потребности в самообразовании, формировании в учениках жизненной ориентации на интеллектуальное и морально-этическое развитие.

Благодарность петербургских славистов к своему наставнику выражалась не только на словах. По случаю юбилейных дат «патриарха славяноведения» ученики посвятили В.И. Ламанскому два сборника трудов [22; 33].

Окончив университет и став коллегами, ученики В.И. Ламанского укрепляли и развивали сложившиеся в студенческие годы связи. Исследователи писали рецензии на труды друг друга [4; 35], работали в одних учебных заведениях (К.Я. Грот и Ф.Ф. Зигель). На протяжении всей жизни переписка многих из них (например, М.И. Соколова с К.Я. Гротом [24] и Т.Д. Флоринским [20, с. 22]) сохраняла доверительный характер. Все они поддерживали дружескую переписку с В.И. Ламанским [20, с. 21; 25]. В рамках этого общения

происходил обмен взглядами, идеями, опытом, которые не только обогащали участников коммуникации, но и формировали новое интеллектуальное пространство.

Переписка славистов с их собственными учениками (например, М.И. Соколова с Н.В. Шляковым, А.П. Кадлубовским, В. Резановым, Е.Ф. Карским, А.Д. Григорьевым, Н.Н. Дурново, А. Малуевым) свидетельствует о том, что они в своей педагогической практике в полной мере переняли у В.И. Ламанского модель взаимодействия преподавателя со студентами [20, с. 23, 57 – 58].

Дружба между выпускниками Петербургского университета не редко определяла их дальнейший профессиональный путь. Так, например, приглашение М.И. Соколова на должность профессора Нежинского историко-филологического института было связано с ходатайством уже работавшего там брата его университетского товарища К.Я. Грота, Н.Я. Грота [20, с. 40].

К.Я. Грот, неоднократно гостивший в Нежине у брата, был очарован атмосферой, царившей в этом учебном заведении. Он назвал преподавателей дружной институтской семьей [14]. Огромное впечатление на него произвел ректор института Н.А. Лавровский. К.Я. Грот видел в нем «идеал начальника-отца и товарища-друга, умевшего вовремя и наставлять, и журить, и ободрять, и примирять, и вместе – совершенно дружески, непринуждённо побалагурить и повеселиться за общей трапезой в тесном кругу сослуживцев» [14, с. 1107]. Можно предположить, что дружеская атмосфера в Нежинском институте, описанная многими современниками, была в большой степени заслугой его руководителя, Н.А. Лавровского, сумевшего создать коллектив единомышленников. Вероятно, стиль его руководства, основанный на принципах партнерства и диалога с подчиненными, был воспринят им от его учителя по Санкт-Петербургскому Главному педагогическому институту И.И. Срезневского (его же учеником был В.И. Ламанский). Это может служить еще одним аргументом в пользу вывода о том, что для высших учебных заведений северной столицы был характерен доверительно-диалогическая модель взаимоотношений «преподаватель-студент».

Характер взаимоотношений в Варшавском университете между русскими преподавателями описан в воспоминаниях К.Я. Грота. Показательным является сюжет о сохранении научного наследия И.И. Первольфа после его смерти. И.И. Первольф не успел окончить свой монументальный труд «Славяне, их взаимные отношения и связи», издав два полных тома и часть третьего. В 1892 г., сразу после его смерти К.Я. Грот с сожалением писал: «В рукописи осталась глава – весьма важная и интересная – о польско-русских отношениях. <...> Особенный интерес должен был представлять IV том – о возрождении

славян и о развитии славянской идеи в нынешнем столетии – предмет, в котором покойный был одним из лучших знатоков» [7, с. 146–147]. Грот решил подготовить рукопись к печати. Для этого он дополнил текст второй части третьего тома недостающими сносками и примечаниями, перепроверил имевшийся справочный аппарат, придумал заголовки [23, с. III]. Кроме того К.Я. Грот составил и указатель личных имён (объёмом 33 страницы) ко всем трём томам, «дабы облегчить каждому пользование этим богатым и интересным сводом» [23, с. III]. Стоит ли говорить, что издание заключительной части сочинения Первоульфа стало результатом очень трудоёмкой и кропотливой работы К.Я. Грота.

Таким образом, внутри научных сообществ российских вузов независимо от их статуса и места расположения сохранялся дух партнерского взаимодействия, товарищества и братства.

Итак, отношения между преподавателями и студентами как в столичных, так и в провинциальных вузах России во второй половине XIX – начале XX вв. строились на субъект-субъектной основе, когда обе стороны общались как равноправные участники образовательного процесса. Преподаватели стремились установить не межролевой («Учитель – студент»), а межличностный контакт, в результате которого возникал диалог, а значит, и наибольшая восприимчивость и открытость к воздействиям одного участника общения на другого. Университетские сообщества дореволюционной России представляют пример не пассивно-информативного или авторитарно-монологического, а доверительно-диалогического стиля преподавания.

В представлении славистов того времени идеальная модель межличностного взаимодействия в вузе на всех уровнях (администрация университета – преподаватели; преподаватель – преподаватель; преподаватель – студенты) должна базироваться на принципах равенства, взаимного уважения, взаимопомощи. Вероятно, источником подобных ценностных ориентиров являлись в 1850–1870-е гг. славянофильство с его идеализацией общинного коллективизма, а на рубеже XIX – XX вв. концепция соборности. Следует подчеркнуть, что мировоззренческие установки вузовской интеллектуальной элиты не расходились с их жизненной практикой.

Список литературы

1. Аврус А.И. История российских университетов. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001. 86 с.
2. Афанасьева Ю.С. Исторические взгляды А.М. Ону (1865–1935): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2010.
3. Городецкий Е.Н. Советская реформа высшей школы 1918 года и Московский университет ВМУ. 1954. № 1. Вып. 1. С. 121–135.

4. Грот К.Я. [Рец. на кн.] Соколов М.И. Из древней истории Болгар (СПб., 1879) // ЖМНП. Сентябрь 1879. Т. 205. СПб., 1879. С. 286 – 302.
5. Грот К.Я. Curriculum Vitæ // www.ostrov.ca/kgrot/cv.htm [1924 г.].
6. Грот К.Я. Владимир Иванович Ламанский (умер 19 ноября 1914 г.) // Исторический вестник. Т. 139. 1915. СПб., 1915. С. 208–229.
7. Грот К.Я. И.И. Первольф (некролог) // ЖМНП. Том 279. Февраль 1892. СПб., 1892. С. 141–150.
8. Грот К.Я. И.П. Филевич (Некролог) // ЖМНП. Новая серия. Т. XLV. Май 1913. СПб., 1913. С. 26–46.
9. Грот К.Я. Из записной книжки // Документы к истории славяноведения в России (1850–1912). М.; Л., 1948. С. 104–108.
10. Грот К.Я. Н.А. Лавровский (некролог) // ЖМНП. Том 327. Январь 1900. СПб., 1900. С. 1–26.
11. Грот К.Я. На пути к моим славянским изучениям (Из воспоминаний о 60-х и 70-х годах) // СПФ АРАН. Ф. 281. Оп. 1. Д. 128. [Л. 21-22.] Мы имели возможность работать с фотокопией документа, любезно предоставленной потомком семьи Гротов Е.К. Фёдоровым, за что выражаем ему искреннюю благодарность. Здесь и далее в тексте документ цитируется с указанием номера страницы фотокопии.
12. Грот К.Я. П.А. Кулаковский (Некролог) // ЖМНП. Новая серия. Т. L. Март 1914. СПб., 1914. С. 8–33.
13. Грот К.Я. Памяти Адольфа Ивановича Добрянского. Оттиск из «Известий С.-Петербургского Славянского Благотворительного общества». СПб., 1902.
14. Грот К.Я. Памяти Антона Семёновича Будиловича // Исторический вестник. Т. 115. Март 1909. СПб., 1909. С. 1097–1122.
15. Грот К.Я. Поминки по Иосифе Иосифовиче Первольфе (С приложением литографического портрета). Варшава, 1892.
16. Данченко Е.В. Научная деятельность, исторические и общественно-политические взгляды В.И. Ламанского: дис. ... канд. ист. наук. М, 2004.
17. Журнал заседания совета С.-Петербургского университета 3-го февраля 1875 года // Протоколы заседаний совета Императорского Санкт-Петербургского университета за первую половину 1874 – 1875 года. Т. 12. СПб., 1876. С. 12–25.
18. Записка о наградах гг. слушателей С.-Петербургского Университета медалями в 1876 году и о вновь предложенных задачах для соискания наград медалями в 1877 году // Протоколы заседаний совета Императорского Санкт-Петербургского университета за первую половину 1875–1876 года. Т. 13. СПб., 1876. С. 98–117.

19. Корзун В.П. Профессорская семья: отец и сын Лаппо-Данилевские. СПб.: Алетейя, 2011. 192 с.
20. Макарова Е.А. М.И. Соколов – исследователь южных славян. Дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 1994.
21. Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2000. 298 с.
22. Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В.И. Ламанского при участии их учеников по случаю 50-летия его учёно-литературной деятельности. С приложением портрета В.И. Ламанского, библиографии его трудов, четырёх портретных групп участников сборника и двух таблиц к статье «О древнейших знаках письма». СПб., 1905.
23. Первольф И.И. Славяне, их взаимные отношения и связи. Т. 3: Славянская идея в политических и культурных сношениях славян до конца XVIII в. Часть 2: Славяне западные и восточные в их взаимных сношениях. Варшава, 1893.
24. Письма Грота К.Я. к Соколовым Матвею Ивановичу, Борису Матвеевичу, к Елизавете Павловне (1905–1906) // НИОР РГБ. Ф. 468. Картон 4. Д. 64.
25. Письма К.Я. Грота В.И. Ламанскому // Документы к истории славяноведения в России... С. 108–112.
26. Письмо К.Я. Грота В.В. Макушеву (Прага, 21 сентября 1882 г.) // НИОР РГБ. Ф. 156. Картон 5. Д. 43.
27. Из письма К.Я. Грота О.А. Шебору от 29 июня 1898 г. // РГАЛИ. Ф. 47. Оп. 2. Д. 346. Л.1.
28. Письмо К.Я. Грота П.И. Бартеневу (Нежин, 3 октября 1878 г.) // РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 570. Л. 248–249.
29. Почивалова А.В. Историческая концепция М.П. Погодина: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2011.
30. Российские университеты в XVIII – начале XX века: сб. статей. Вып. 5. Воронеж, 2000.
31. Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань: НРИИ, 2004. 352 с.
32. Саприкина О.В. Академик В.И. Ламанский (1833 – 1914): научное наследие и общественная деятельность: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.
33. Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В.И. Ламанского по случаю 25-летия его учёной и профессорской деятельности. СПб., 1883.
34. Свешников А.В. «Вот вам и история нашей истории». К проблеме типологии научных скандалов второй половины XIX – начала XX в. // Мир историка: Историографический сб. Омск, 2005. Вып. 1. С. 231–262.

35. Флоринский Т.Д. [Рец. на кн.] Грот К.Я. Известия Константина Багрянородного о сербах и хорватах // ЖМНП. 1881. № 3. С. 139–170; № 6. С. 300–332.
36. Хохлова О.Н. О.М. Бодянский и А.А. Майков: к вопросу о взаимоотношениях в университетской среде // О.М. Бодянский и проблемы истории славяноведения (К 200-летию со дня рождения ученого): сб. статей. М., 2009. С. 48–55.
37. Цит. по: Воробьева И.Г. Профессор-славист Нил Александрович Попов. Научная, педагогическая и общественная деятельность // <http://www.opentextnn.ru/history/historiografy/historians/ros/?id=3164>.
38. Щетинина Г.И. Университеты в России и устав. 1884.
39. Ягудин Б.М. Н.А. Осокин и становление казанской школы всеобщей истории. Казань, 1998. 228 с.

**THE MODELS OF INTERPERSONAL RELATIONS IN THE
RUSSIAN UNIVERSITIES AT THE END OF THE XIXTH –
BEGINNING OF THE XXTH CENTAURY**

T.S. Kovyl'nikova, O.N. Hohlova

Tver State University

The article is devoted to the nature of relationship and interpersonal contacts between teachers and students in the Russian Universities at the end of the XIXth – beginning of the XXth century. It visually demonstrates the high standard of education of the Russian Universities graduates and characterizes the scientific school of V.I. Lamansky.

Keywords: *the pedagogics history, the history of Russian universities, interpersonal contacts in education, Slavonic studies.*

Об авторах:

КОВЫЛЬНИКОВА Татьяна Сергеевна – соискатель кафедры дошкольной педагогики и психологии ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), начальник методического отдела учебно-методического управления Тверского государственного университета, e-mail: kov_ta@mail.ru

ХОХЛОВА Ольга Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), руководитель Отделения развития профессиональной компетентности преподавателей вузов Института непрерывного образования Тверского государственного университета